

Рецензии

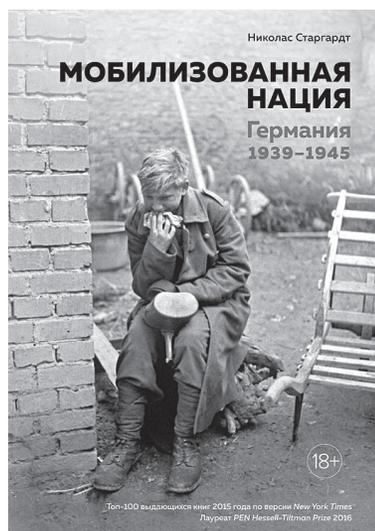
Мобилизованная нация.

Германия 1939–1945

Николас Старгардт

М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус,

2023. – 688 с. – Доп. тираж 7000 экз.

Книгу профессора истории Магдален-колледжа в Оксфорде Николааса Старгардта

пришлось печатать в России дополнительным тиражом – настолько высоким оказался интерес к этому исследованию в последние два года. На отдельных маркетплейсах стоимость экземпляра достигала 5000 рублей при обычной цене 800–1200. В ряду книг о том, как высококультурная европейская нация почти безропотно приняла бесчеловечную идеологию национал-социализма и какие «психологические защиты» она для себя при этом вырабатывала, объемное исследование Старгардта отныне занимает важное место. Несмотря на изобилие литературы на эту тему, автор посчитал, что вопросы о том, за что сражались немцы и почему они продолжали это делать вплоть до конца войны, недостаточно прояснены. Кем были немцы – жертвами или преступниками? О чем они думали и говорили? Как оправдывали войну для себя? Все эти темы далеко не исчерпаны.

Будучи сторонником «изучения субъективного в истории общества», Старгардт опирался на огромный массив дневников

НОВЫЕ КНИГИ

229

и писем, которые хранятся в государственных и частных архивах, прежде всего в Германии. Автор изучал военную переписку немцев – супругов и возлюбленных, родителей и детей, близких друзей. Ему было важно отследить эти письменные источники в перспективе времени, чтобы понять, как война меняла людей, их мысли и личные отношения. Например, учитель Август Тёппервин, один из «голосов» этой книги, верил в цивилизационную миссию Германии в ее войне с коммунизмом на востоке. Он был одним из тех, кто преданно служил режиму до последних дней.

После вторжения в СССР немецкие газеты писали не о битве с русскими, а о битве с «красными», с большевиками. Впрочем, в начале Второй мировой войны пропаганда также противопоставляла Германию, вполне западную страну, некоему условному Западу, «западным демократиям», ответственным за Версальский договор (Гитлер называл его «Версальским диктатом») и унижение Германии. «Все в Германии воспринимали Вторую мировую через призму Первой» (с. 39). Дух ресентимента лег в основу немецкого патриотизма. «Гитлеру удалось выставить себя защитником униженного и оскорбленного немецкого меньшинства – он отплатил за страшные и несправедливые обиды и скорбь по утраченным после 1918 года территориям» (с. 48). Режим нацистов поддерживался широкими слоями общества, которые считали проигрыш в прошлой войне собственной геополитической катастрофой и желали ревизии ее итогов. «Гитлер медленно выковывывал широкое народное единство [...] из разных слоев, от умеренных левых социал-демократических кругов до консервативных националистических» (там же). Нация последовала за имперскими амбициями Гитлера, очарованная его экзерсисами на псевдоисторическую тему, и вслед за ним отказывая соседним европейским государствам в праве на суверенитет.

Ключевым в оправдании войны для немцев стало оборонное сознание, убеждение, что Германия находится в кольце врагов, что на нее напали и война ведется для защиты и безопасности рейха, что стране не оставили иного выбора в том, как защищать этнических немцев в Польше. В выступлении Гитлера перед депутатами рейхстага 1 сентября 1939 года, сразу после вторжения в Польшу, он утверждал, что его солдаты открыли ответный огонь и что вся операция должна принести мир и безопасность его стране. Он говорил о своей любви к миру и о решимости добиться его на восточной границе, о своем приказе ограничить воздушные атаки военными целями, призывал нацию к единству. Немцам его риторика казалась убедительной: ультимативные территориальные претензии люди называли мирным планом, сетовали, что «западные партнеры» его не приняли, иначе Германия и западные страны могли бы вместе противостоять русскому коммунизму. «Предложения фюрера были приемлемыми, скромными и помогли бы сохранить мир», – считал, в частности, сельский учитель Вильм Хозенфельд (с. 50).

Одной из причин, заставлявших немцев упорно воевать даже перед лицом неминуемого поражения, было желание отомстить за погибших. В психологии это назвали бы сдвигом мотива на цель. Солдаты вермахта могли сознавать все безумие и несправедливость войны, но продолжали убивать, ощущая свою связь с погибшими товарищами. «Равенство всех перед окопами и узлы военного братства требовали относиться к павшим сослуживцам с высочайшим уважением» (с. 347). Еще один мотив называется так: раз уж ввязались, надо драться до конца. Как следует из дневников солдата Роберта Р. и его писем жене, он ненавидел войну, но, «чем больше отвращения испытывал к войне Роберт, тем тверже убеждался, что на этот раз воевать надо до конца: он не мог допустить, чтобы его двухлетний

сын стал одним из третьего поколения, которому придется идти сражаться в России» (с. 206). Роберт Р. стал воспринимать войну как личное событие, как дело жизни. Эта извращенная ответственность за будущее поколения удивительна. Автор пишет, что методы ведения войны для Роберта Р. и подобных ему людей были отвратительны и при этом заставляли их отчаянно сражаться, так как эти немцы не могли позволить, чтобы такая война пришла к ним домой, в Германию.

Как сказал в одном из своих интервью сам Николас Старгардт в марте 2023 года, идея войны никогда не была популярна среди немцев, они утешали себя: раз уж ее нельзя избежать, то пусть это будет маленькая победоносная война, после которой скоро наступит мир¹. В Германии были люди, которые не являлись нацистами, и убийство евреев противоречило их вере. Но эти люди в свою очередь решали для себя дилемму, что хуже – быть виновным в военном преступлении или в национальном предательстве. Большинство решили, что поражение хуже. Это еще один мотив, который можно сформулировать так: да, моя страна не права – но это моя страна, и я буду с ней.

После поражения немецкой армии под Сталинградом в Германии включилась негативная пропаганда, имевшая целью запугать людей страшными последствиями поражения. Немцы следовали апокалиптическому выбору, который обозначался Гитлером и подпитывался прессой: «Теперь уж все точно зашло так далеко, что они сделают с нами то же, что мы делали с ними, если мы проиграем войну» (с. 273). В одной из радиотрансляций Геринг с интонациями озабоченного отца доносил до слушателей подобные перспективы: «Германский народ ты должен знать: если проиграем войну, тебя уничтожат... Эта война не есть Вторая

мировая война, эта война есть Великая расовая война» (с. 329). Речь Геринга была вариацией на тему социального дарвинизма по Гитлеру, который в разговорах утверждал, что «если германский народ недостаточно силен и не готов проливать кровь ради своего существования, тогда он будет стерт в прах более сильной державой» (с. 254).

Действительно, при Гитлере немцы стали нацией расистов. Старгардт посвящает много страниц теме депортации и уничтожения евреев, довольно бесстрастно и педантично излагая ужасные цифры и факты. (Это ощущение отстраненности можно объяснить как защитной реакцией самого автора – сына немецкого еврея, бежавшего из Германии в 1939 году, – намеренным дистанцированием историка-исследователя от материала, так и, прямо скажем, чрезвычайно плохим русским переводом.) Но еще до начала массового уничтожения евреев немцы уже были расистами. С середины 1940 года на захваченных польских территориях гестапо публично вешало мужчин-поляков за связь с немцами, то есть в наказание за «осквернение расы». «Даже в СД испытали неуютное беспокойство из-за народного воодушевления, когда на массовую казнь через повешение двадцати поляков в Хильдбургхаузене собрались от восьмисот до тысячи зрителей» (с. 170). Нацисты казнили не только евреев и славян, но и, например, свидетелей Иеговы – за отказ присягать Гитлеру и идти на военную службу. На протяжении всей войны пациентов психиатрических больниц и прочих больных людей, «непригодных к жизни» и воспринимаемых как человеческий балласт, убивали в газовых камерах, что идеологи чистоты расы называли эвтаназией.

Книга Старгардта убеждает, что нация немцев действительно в своем большинстве была мобилизована войной и для войны.

¹ См.: www.youtube.com/watch?v=d3paQBkqdbk.

Разумеется, свою роль в этом играла пропаганда. Принято считать, что геббельсовская пропаганда была оголтелой, разнузданной, но на самом деле ее сила и направление были вполне выверенными. Автор неоднократно ссылается на документы СД (службы безопасности рейхсфюрера СС), которая имела социологическое подразделение. Замеры общественного мнения о принимаемых репрессивных или мобилизационных мерах обеспечивали режиму обратную связь и влияли на цели и мощность пропаганды, позволяя более тонко ее настраивать. Кроме прямого медийного воздействия на массы, Геббельс использовал практику вдумчивой обработки новостей. Применялась тактика выборочного умолчания, имевшая целью приглушить нравственную тревогу, в частности, в связи с массовым истреблением евреев, информация о котором и так распространялась через слухи и письма. «Министр [Геббельс] будто позволял информации просачиваться и культивировать в массах чувство соучастия» (с. 271). Это была пропаганда намека, которая маскировала нравственный разлом между «расовым прагматизмом» нацистов и традиционной христианской этикой, отвращавшей немцев от массовых убийств. В этом нацистскому режиму сильно помогла церковь. Будучи авторитетным общественным институтом, она в основном молчала. После разгрома «третьего рейха» церковные лидеры объясняли национальную катастрофу тем, что немцы отпали от церкви, неусердно молились, утратили христианский дух, за что их бог и наказал.

Одним из факторов стойкости немецких солдат был насаждаемый руководством рейха культ героической смерти – «унаследованный, но не изобретенный нацистами» (с. 355). Поражение под Сталинградом требовало идеологического подкрепления морального духа нации, поэтому лидеры рейха апеллировали к славному прошлому. В своей речи 30 января

1943 года Геринг сравнил терпящую поражение 6-ю армию с древними нибелунгами, остготами и даже спартамцами, погибшими при Фермопилах, отражая нашествие персидских орд. Немецкие солдаты не на шутку проникались пафосом героической смерти. «“Ни один из вас не имеет права вернуться домой живым!” Этот девиз повторяли нам, солдатам, достаточно часто, чтобы мы понимали всю серьезность слов. Мы полностью готовы», – писал домой в январе 1943 года обер-ефрейтор из группы армий «Центр» (с. 356).

Режим Гитлера держал народ в подчинении в том числе и с помощью террора. В 1943 году Гиммлер грозил расстреливать пораженцев в качестве предупреждения другим. «В Мюнхене женщину средних лет приговорили к трем годам тюрьмы за неуважительные высказывания о Гитлере и за следующие откровения: “Вы, что же, считаете, что никто не слушает зарубежное вещание? Еврейских женщин и детей погрузили в вагон, вывезли за город и уничтожили газом”» (с. 406). Однако Старгардт не считает репрессии основным фактором поддержания патриотизма. Террор против населения достиг пика только к самому концу войны, когда явно обозначилось поражение. Несмотря на репрессии, немецкие граждане считали своим патриотическим долгом критиковать провалы нацистов, полагая, что «их готовность делать это играла важную роль в борьбе с врагом до самого конца войны» (с. 30).

Старгардт подробно пишет о позиции католической и протестантской церковью до и во время войны, о сложной экономике и логистике войны, о геноциде евреев и конфискации их имущества в пользу «добропорядочных» граждан, о том, как бомбежки немецких городов англичанами и американцами повлияли на моральное состояние нации, о проблеме дезертиров и пленных, о помощи тыла фронту, то есть о посылках с варежками, носками и про-

дуктами и о многом другом. В заключительной главе автор затрагивает важную тему долгой и сложной денацификации, коллективной вины и бегства от нее. Но, какие бы подробности ни приводил Старгардт, главной и постоянно присутствующей проблемой исследования для него всегда остается такая: как немцы «могли перепутать намеренно разжигаемую их властями империалистическую войну с войной ради обороны отечества?» (с. 39). Как могли они считать себя патриотами «в кольце врагов», а не расистами, не борцами за дело Гитлера и верхушки рейха?

Николас Старгардт работал над книгой около десяти лет. К сожалению, этот колоссальный и добросовестный труд историка во многом обесценивается русским переводом Александра Колина, который нельзя признать профессиональным – он скорее похож на дурно отредактированный гугл-перевод. Вот образцы: «Во многих случаях требовалась картофельная мука, что подразумевало натирание картофеля на ручной терке в какую-то емкость, заливание чистой водой, а потом сливание грязной через край для выбирания в итоге осевшей субстанции со дна и выкладки на бумагу для высушивания» (с. 310). Или: «В поисках пути отступления через круги необратимого расширения конфликта немцы следовали по указанному им Геббельсом пути» (с. 404). И это не отдельные неудачные примеры, это повсеместный стиль перевода, который известный редактор и переводчик Нора Галь назвала бы канцеляритом. Есть ощущение, что у издательства не было цели перевести и отредактировать книгу хорошо, а только – быстро. Исправить перевод можно было бы перед печатью дополнительного тиража, но и этого не было сделано. Так что, если можете, лучше пользуйтесь оригиналом.

Наконец, издательство выбрало научным редактором книги ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН

Антон Захарова. Он специалист по Древнему Востоку и Юго-Восточной Азии, его научные труды посвящены истории и культуре Вьетнама, Камбоджи, Индии, Китая, Индонезии. В книге есть места, которые требуют профессионального комментария историка, но, вместо этого, мы читаем, например, неатрибутированное примечание на странице 389 к абзацу, где говорится о массовом захоронении расстрелянных польских офицеров в Катynie: «Существуют довольно убедительные версии, согласно которым ни НКВД, ни РККА не имели к злодеяниям никакого отношения». Это явно не примечание автора, поскольку в противном случае он противоречил бы сам себе: ведь в недавнем интервью одной из российских газет Старгардт говорил, что расстрел произвел НКВД, используя немецкое оружие и немецкие боеприпасы. Более того, сами российские власти признали ответственность НКВД за эти расстрелы. Так что публиковать в сноске альтернативное мнение со ссылкой на некие версии, противоречащие фактам и позиции автора, – это нарушение редакторской и научной этики, поскольку автор оспорить напечатанный комментарий уже не может.

СЕРГЕЙ ГОГИН

Выбор: о свободе и внутренней силе человека

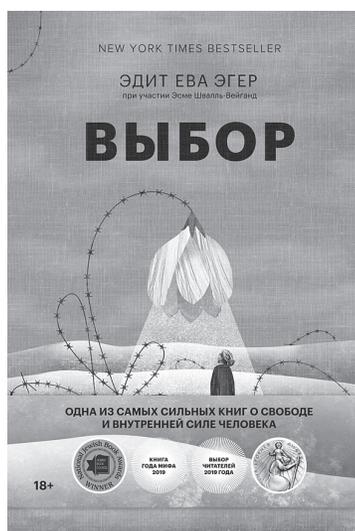
ЭДИТ ЕВА ЭГЕР при участии ЭСМЕ ШВАЛЛЬ-ВЕЙГАНД
М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. – 344 с. – 20 000 экз.

В 1944 году шестнадцатилетняя венгерская балерина Эдит Ева Эгер (в девичестве Элефант) вместе с семьей была отправлена в Аушвиц. Там она потеряла родителей, а потом едва не сгинула сама, пройдя через несколько лагерей смерти. 4 мая 1945 года

Эдит, чуть живую, достали из-под кучи трупов. После войны молодая женщина десятилетиями оставалась в плену у прошлого, дав зарок хранить молчание о пережитом и страдая от вины выжившего. Лишь спустя 35 лет она вернулась в Аушвиц, желая разобраться с собой – и, наконец, если получится, простить себя. После войны женщина, сменившая фамилию на Эгер, стала психологом: она трудится в русле логотерапии, которую разрабатывал и продвигал Виктор Франкл – выдающийся психолог, тоже сумевший превозмочь нацистскую машину уничтожения. В настоящее время, несмотря на свой более чем преклонный возраст, она продолжает преподавать в Калифорнийском университете и занимается терапевтической практикой. Автобиографическая работа «Выбор», появившаяся в 2017 году, к настоящему моменту выдержала в Америке уже пять изданий. Предисловие к ней, вошедшее и в русский перевод, написал Филип Зимбардо, постановщик знаменитого Стэнфордского тюремного эксперимента 1971 года.

Книга Эгер базируется на трех повествовательных линиях: во-первых, истории ее физического выживания; во-вторых, истории ее душевного исцеления; в-третьих, историях людей, которым она помогла обрести себя. В центре каждого из нарративов остается человеческое освобождение – либо от внутреннего, либо от внешнего подавления. Бывшая узница десятилетиями пыталась скрывать свою боль, пока не решила доверить ее книжным страницам. Это молчание было не чем иным, как способом убежать от самой себя. Через много лет Эгер признает: решив отвернуться от прошлого и тем самым от себя настоящей, она, даже выйдя из-за колючей проволоки, продолжала оставаться несвободной. «И это был мой выбор. Я владела своей тайной, а моя тайна владела мною», – пишет она (с. 23). Со временем, однако, бывшая узница освоила способ, позволивший

вырваться за рамки этого самоограничения. «Я здесь и сейчас, это настоящее – я приучила себя повторять это снова и снова, пока не ослабевало паническое состояние» (с. 22). Сделанные на этом пути открытия оказались удивительными. Первейшее из них заключалось в том, что иметь психологию жертвы вовсе не обязательно: это лишь синдром, обусловленный внутренним состоянием, и никто, кроме самого человека, не может этот синдром ему навязать. Следовательно, мы входим в роль жертвы не из-за того, что с нами происходит, а потому, что принимаем решение держаться своего мученичества.

Пытаясь разобраться в том, почему ей удалось выжить, Эгер уводит читателя в свои детские годы. Предвоенный передел европейских границ превратил родной для нее венгерский город Кашша в чехословацкий город Кошице, после чего члены семейства Эгер стали «дважды меньшинством»: венграми в преимущественно чешской стране – и вдобавок евреями. По словам автора, ощущение собственной неполноценности не оставляло ее на протяжении всего отрочества. Когда в ноябре 1938 года Венгрия аннексировала Кошице, поживившись на разделе Чехосло-

вакии, семье героини ненадолго показалось, что они вновь обрели родной кров. Однако уже через три года, в самом начале вторжения Гитлера в Советский Союз, всех венгерских евреев обязали носить на одежде желтые звезды. В школе Эдит Ева начала получать от одноклассников оскорбления и плевки, а некоторые из ее друзей вообще перестали посещать занятия, переключившись на уроки по радио. Происхождение не позволило девочке, занимавшейся, помимо балета, гимнастикой, пройти отбор в олимпийскую учебно-тренировочную команду. Наконец, ее отца, несмотря на то, что он был всего лишь хорошим (и аполитичным) портным, забрали в трудовой лагерь. Тем не менее все эти неприятности оказались лишь предвестниками трагедий недалекого будущего.

«Все эмоции и силы в своей жизни ты будешь черпать изнутри», – как-то сказал Эдит ее балетмейстер. Но девушка не понимала, что это значит, по крайней мере пока не оказалась в Аушвице. Когда родители погибли в газовой камере, она даже не смогла безраздельно предаться горю: нужно было оставаться предельно сосредоточенной, чтобы уцелеть самой. В первые недели в концлагере Эдит и ее сестра Магда познавали базовые правила выживания:

«Если тебе удастся украсть кусок хлеба у надзирателей, ты герой, но, если крадешь у заключенных, ты опозорена и ты умрешь; конкуренция и доминирование – это путь в никуда, главное правило здесь – сотрудничать; выжить – это переступить через свои потребности и посвятить себя кому-то или чему-то за пределами себя» (с. 65).

Фантасмагорическим упражнением в подобном самотрансцендировании для Эгер стала встреча с доктором Йозефом Менгеле, патологическим убийцей и ценителем искусств. Охранники специально протесывали бараки, отыскивая для него

талантливых заключенных. Узнав, что перед ним балерина, эсэсовец заставил Эдит выступить на публике; во время этого зловещего танца к ней пришло озарение, в последующие месяцы не раз спасавшее девушке жизнь. «Я увидела, что доктор Менгеле, матерый убийца, только сегодня утром уничтоживший мою мать, более жалок, чем я», – пишет она (с. 64). При чем Эгер была убеждена: доктору придется жить с тем, что он сделал, а значит, он в большей степени узник, чем любой или любая из заключенных.

Выступление венгерской балерины произвело на Менгеле впечатление: он кинул девушке буханку хлеба, которую та поделила с Магдой и соседками по бараку. Разумеется, подобные чудеса были редкостью. Упоминая о постоянном рационе узников Аушвица – хлебе и баланде, – Эгер пишет, что фантазии о еде, о немислимых и обильных блюдах, поддерживали заключенных: пиры, которые они закатывали в своем воображении, удивительным образом повышали их жизнестойкость. Были и другие спасительные трюки. Например, однажды вечером, перед сном, изможденные женщины в полосатых отрепьях устроили в бараке конкурс красоты, преодолевая тем самым ничтожество и кошмар собственного существования. «Мы можем выбирать, чему нас учит ужас, – пишет автор. – Стать озлобленными от горя и страха. Враждебными. Оцепеневшими. Или держаться за что-то детское в нас, живое и пытлиное, за ту нашу часть, которая невинна» (с. 67). Именно так в людях, лишенных всего, открывался источник силы, позволявший им ощущать внутреннюю свободу и не отступать от моральных принципов, придающий им уверенность даже там, где надеяться было не на что. Почти все вокруг твердили Эдит, что ей не выйти живой из лагеря смерти. Но вопреки очевидному она следовала внутреннему голосу, который описывал ей другой исход. «Это временно, –

звучало во мне. – Если сегодня выживу, завтра буду свободна» (с. 68).

Когда нацисты в последние месяцы войны начали эвакуировать Аушвиц, сестрам Эгер вновь, если можно так выразиться, повезло: в телячьих вагонах их перевозят на немецкую ниточную фабрику. «Мы избежали газовой камеры, – говорит Магда, – но умрем, скручивая нитки» (с. 74). Как рассказывает автор, сестры вообще часто шутят, смеются, иронизируют, подтверждая догадки о спасительной силе юмора, не раз высказанные исследователями неволи; на это, в частности, обращал внимание и Франкл. «Сейчас в нашей смехе сила», – говорят девушки друг другу (с. 75). Но, несмотря на всю важность этого ресурса, его одного в экстремальной ситуации недостаточно. Узницы убеждают в этом, после ниточной фабрики попав в Маутхаузен – мужской лагерь при каменоломне, – где заключенные вырубают и перетаскивают гранитные глыбы. Здешняя «лестница смерти», усеянная мертвыми телами, а также вечно дымящие трубы крематория производят переворот в мироощущении Эдит: оставаясь неверующей в Аушвице, теперь она обращается к Богу. Магда, как и многие другие, давно утратила религиозное чувство, но для Эдит очевидно: в газовых камерах, у обрыва, на каменных ступенях людей убивает не Творец – это делают другие люди, и только они. Возможно, именно обретение новой опоры позволило сестрам Эгер выжить в ходе последнего испытания, выпавшего на их долю: марша смерти от лагеря Маутхаузен до лагеря Гунскирхен. Расстояние было не таким уж и великим, но узницы были настолько истощены, что из двух тысяч переход выдержала только сотня. В этом числе оказываются Эдит и Магда, всю дорогу державшиеся друг за друга. «Мы словно головка облетевшего одуванчика, семена которого разнес ветер, оставив лишь несколько белых пучков. Единственное,

что во мне осталось – это голод», – пишет автор (с. 90).

На всякий ад, продолжает свой рассказ писательница, всегда найдется ад пострашнее. Гунскирхен не лагерь смерти, здесь нет ни газовых камер, ни крематория, но сестры убеждены, что сюда их прислали умирать. Через несколько дней на новом месте Эдит лишается способности ходить; девушка об этом еще не знает, но у нее поврежден позвоночник (впоследствии, кстати, она так и не смогла понять, когда и как получила травму). «Здесь, в аду, я вижу, как человек ест человечину», – вспоминает писательница (с. 92). Она также помнит и измучивший ее вопрос: а способна ли на такое она сама? Но есть что-то нужно, и девушка решает, что будет жевать траву. Обессиленные заключенные почти все время спят; вместе со всеми ощущение времени теряет и Эдит. Когда в лагерь приходят американские солдаты, ей кажется, что и это продолжение сна. Конец и неволе, и войне приходит в один миг; но если раньше при мысли об этом сразу же возникал образ счастья, которое обязательно переполнит душу, то теперь выясняется, что в обретенной свободе нет ни радости, ни облегчения.

Освобождение – это и страшная апатия, и угрожающее едва теплящейся жизни переедание, и язвы, вши, тиф. Позже Эдит узнает, что одна девушка из ее города, выйдя живой за ворота Аушвица, через несколько дней умерла от того, что не смогла удерживать себя от еды. Сестры свободны физически, но теперь им нужно обрести свободу внутреннюю, чтобы восстановить и наладить спасенную жизнь; они еще не догадываются, что до этого момента им предстоит пребывать в бесконечной и крошечной тьме. В Кошице девушки, наконец-то, встречаются со своей третьей сестрой, скрипачкой Кларой, которой удалось избежать Холокоста, прячась сначала в доме своего профессора музыки, а потом в монастыре под Будапештом. Когда у Эдит

диагностируют брюшной тиф, пневмонию, плеврит и перелом позвоночника, Клара с огромным трудом устраивает ее в больницу. Именно там девушка узнает от своего лечащего врача, что ее возлюбленный Эрик, о котором она вспоминает на протяжении всего повествования, погиб в концлагере за день до освобождения. Это новое горе для нее уже непосильно: она начинает задумываться о самоубийстве, чего никогда не делала, томясь за колючей проволокой. Жизнь, однако, снова берет верх: Эдит решает, что она найдет в себе силы справиться с тяготой потерь и навсегда отвернуться от прошлого – что она вопреки всему продолжит жить так, будто ничего не случилось, и не позволит небытию взять верх.

Следуя по намеченному пути, 19-летняя балерина в ноябре 1946 года выходит замуж за влиятельного и богатого человека по имени Бела Эгер. Роскошная и беззаботная жизнь, которую она ведет после этого – особенный вариант побега от прошлого. Воспоминания, однако, не отпускают героиню и после того, как в семье рождается дочь Марианна. И тогда Эдит, не оставляющая попыток скрыться от себя, решает на еще более радикальный шаг: ее семейство переезжает на американский континент. «Я хочу довериться своему выбору, поверить в нашу новую жизнь, поэтому отметаю любой намек на грусть и на страх, – пишет она. – Когда я спускаюсь по деревянному трапу на нашу новую родину, на мне уже надета маска притяия. Я сбежала. Но еще не стала свободной» (с. 168). По географическим меркам, США предельно далеко от тех мест, где Эдит родилась, жила и страдала, но очень скоро выяснилось, что психологически она стала здесь еще большей узницей, чем была раньше: «Я создала тюремную камеру из своего ужаса и молчанием заперла ее на замок» (с. 172). Новая жизнь оказалась совсем не такой, как ожидала Эдит, когда соглашалась перебраться через Атлантику, отчуждение

и тут оставалось ее хроническим состоянием – даже в среде друзей, по большей части евреев-эмигрантов. Мучительнее всего для молодой женщины было осознание того, что даже после своего чудесного спасения она не обрела права выбирать: «Мое самозаточение исходит от убеждения, что выжила я несправедливо, что никогда не заслужу этого счастья быть “своей”, – пишет она. – Гитлер и Менгеле сделали за меня выбор» (с. 174, 178). Когда в середине 1950-х у четы Эгер рождаются еще два ребенка, дочь Одри и сын Джонни, Эдит решает, что никогда не допустит, чтобы лагеря смерти накрыли своей тенью ее детей. «Мои дети никогда не должны узнать. Это убеждение становится целью жизни» (с. 189). Разумеется, из этого замысла тоже ничего не получилось.

В 1959 году, подтянув английский, Эдит берется за изучение психологии. Рубежной для нее стала встреча в 1966-м с книгой Франкла «Человек в поисках смысла»; именно она заставила героиню, наконец-то, прервать свое молчание. Читая историю Франкла, эмигрантка понимает, что на каждую его страницу ей хочется написать свои десять. Вся суть учения, разработанного основателем логотерапии, заключается, по ее мнению, в следующих словах: «У человека можно отнять все, кроме одного – его последней свободы: выбрать свое отношение к любым данным обстоятельствам, выбрать свой путь» (с. 199). Постепенно героиня убеждает себя в том, что, каким бы разрушительным и тягостным ни был человеческий опыт, мы сами всегда выбираем, как к нему относиться. Идеи Франкла произвели на Эгер настолько сильное впечатление, что спустя два года она пишет очерк «Я и Виктор Франкл». А дальше в жизни героини опять начинаются чудеса. Кто-то без ведома автора отсылает этот очерк именитому психологу, и вскоре Эдит получает письмо, в котором Франкл обращается к ней как к выжившей сестре по несчастью – как к равной. Их переписка и дружба продлят-

ся долгие годы, в течение которых оба они будут пытаться ответить на вопросы, пронизывающие всю их жизнь: «Почему выжил именно я? В чем смысл моего существования? Есть ли смысл в моих страданиях? Могу ли я извлечь из них какой-то опыт? Как я могу помочь себе и другим выдержать тяжелейшие испытания и все-таки обрести любовь и радость?» (с. 206). В 1969 году Эгер с отличием оканчивает Техасский университет в Эль-Пасо, получает степень бакалавра психологии и разводится с мужем – в результате ощущая себя, по ее собственному признанию, счастливее и свободнее. Затем она преподает в школе, где читает вводный курс психологии и служит штатным психологом. В 1974-м, после второй свадьбы с Белой Эгером, Эгер получает степень магистра педагогической психологии, а в 1978-м – степень доктора клинической психологии. Со временем она формулирует собственный эклектический и интуитивный подход: самобытную когнитивно-ориентированную инсайт-терапию. «Если когда-нибудь мне понадобится придумать ей название, – пишет она тогда, – то, наверное, выберу “терапия выбора”, потому что, если мы говорим *выбор*, всегда подразумеваем “свобода”» (с. 222). Быть же свободным, согласно Эгер, означает одно – жить настоящим.

Сегодня Эдит Эва Эгер, перешагнувшая 90-летний рубеж, по-прежнему активна как общественная деятельница и практикующий психолог. Во многих случаях пациенты, с которыми она заканчивает работать, постигая собственные пути к свободе, предпринимают те же усилия, которые приходилось совершать автору. «В равной степени они дают понять, насколько еще далек от завершения мой поиск освобождения, – пишет автор, – и задают вектор дальнейшего моего излечения» (с. 233). На протяжении всей книги Эгер не раз признается, что не может целиком и полностью исцелить каждого; вместе с тем она способна поддержать намерение страдающего человека разрушить тюрьму в своем сознании, разобрав ее камень за камнем. Филип Зимбардо в предисловии называет ее работу «выдающимся хроником силы духа и милосердия, несгибаемости и выживания с достоинством и психологической стойкостью» (с. 16). К этой емкой характеристике едва ли можно что-то добавить. Книга обязательно найдет своего читателя, особенно в нынешние темные времена. В этом, кстати, не сомневаются и издатели, выпустившие труд Эгер невероятным для сегодняшнего дня тиражом.

Юлия Крутицкая